

Почтовый ящик был забит всевозможными уведомлениями и счетами. Шинджэ перебрал накопившуюся стопку, просматривая их по очереди, прежде чем подняться по лестнице.

Подниматься было утомительно — четыре этажа в вилле без лифта. Тело казалось невыносимо тяжёлым, словно к щиколоткам привязали гири. Усталость была естественной, поэтому он медленно поплёлся вверх.

Он распахнул дверь квартиры, которую забросил на несколько месяцев, живя у Нанёна. Солнечный свет заливал скромную гостиную, освещая пылинки, кружащиеся в воздухе. За окном виднелись старые дома напротив и птицы, сидящие на проводах. Мирная картина делала события прошлой ночи похожими на ложь.

Если посмотреть так — не так уж и плохо. По сравнению с тем роскошным домом здесь было скромно, но, если честно, где бы он не чувствовал себя «скромно»? Для жизни в одиночку это место подходило идеально. После ощущения чуждости в другом доме возвращение сюда казалось освобождением.

...Наверное, так даже лучше. Раз уж всё должно было закончиться именно так, стоило завершить это раньше.

Шинджэ рухнул на пол, раскинувшись в пустой гостиной без дивана. Внутри было пусто. Где-то на краю сознания зудело ощущение, будто он что-то забыл. Но он старательно отгонял эту мысль.

Игнорируя шёпот в голове, он стал искать пульт. Включил телевизор — бонус от хозяина квартиры — переключил на шумное развлекательное шоу и прибавил звук. Но сколько бы он ни усиливал громкость, видел лишьдвигающиеся губы без всякого смысла. Он отбросил потрёпанный пульт и тяжело вздохнул.

Квартира была не такой уж маленькой, но казалась удушающе тесной, будто стены медленно сжимались. Всё ещё ощущая неприятный осадок, он достал телефон из кармана.

Даже самый бесхребетный человек не написал бы первым после такого катастрофического разрыва... но он всё равно поймал себя на том, что смотрит список контактов — и, словно назло, удалил номер Нанёна.

Это было невероятно простое действие.

Чтобы отвлечься, он начал заваливать сообщениями людей, с которыми поддерживал редкий контакт. Даже назначил встречу на выходных той девушке, чей номер получил в уличной палатке, — лишь бы было с кем встретиться вечером.

Настроение немного поднялось, и он написал в общий чат той самой компании из уличной палатки:

[Расстались лол]

Это не было чем-то грандиозным, но он всё равно сообщил — уж слишком шумел о своих отношениях раньше. Хотя они редко общались, ответы пришли быстро.

[И как закончилось??]

[Очевидно же, зачем спрашивать]

[Пойдём выпьем]

[Нуна, давай только мы]

[Теперь не сможешь выйти лол]

Шинджэ нахмурился. Почему это я «не смогу выйти»? Среди ожидаемых реакций мелькали странные, непонятные сообщения. Он попытался ответить, но чувствительность в пальцах будто пропадала.

[Мы расстались лол]

[Правда так закончилось?]

Что за чёрт?

Холод пробежал по затылку, когда он уставился на экран телефона.

Что-то было не так. Он чувствовал, что забыл нечто важное. Очень важное...

[Проснись]

Шинджэ резко сел. Ему стало холодно. Тело слегка задрожало. Несмотря на яркое солнце, сквозь него пробежала ледяная волна, заставившая поёжиться.

Он не мог понять, что именно ощущается неправильным. Он всего лишь вернулся к себе. Если принять душ, сварить рамён и потом отключиться, всё, вероятно, вернётся в привычное русло.

Это не было каким-то особенным событием в его жизни. В мире полно людей, кроме Нанёна. Встречаться с тем, кто нравится, расставаться, снова встречаться, снова расставаться...

Если просто плыть по течению, как всегда, неприятный осадок исчезнет, и однажды Нанён перестанет даже приходить в голову. Он и так быстро всё забывает. То раннее утро, например...

«Но подожди — а как я вообще добрался домой?»

В тот миг, как мысль пронзила его, комната внезапно потемнела.

Когда-то пустая гостиная вдруг превратилась в хаос — повсюду валялась одежда, по полу катились какие-то предметы. Повсюду отпечатались следы, будто через квартиру пронеслась толпа.

Ошеломлённый, он резко вскочил на ноги. Среди беспорядка лежал маленький школьный рюкзак и раскрытая тетрадь по математике — странно неуместные. Обломанный карандаш с переломанным грифелем откатился в сторону. И тут в входную дверь постучали.

Тук. Тук!

Голова Шинджэ дёрнулась к звуку. Он стоял, не понимая, что происходит. С другой стороны двери раздавались голоса — громкие, яростные.

—.....!

Слова он разобрать не мог, но ненависть в них чувствовалась отчётливо. Всё его тело задрожало. Он пятился шаг за шагом. Шаги за дверью становились всё ближе, тонкая дверь дрожала на петлях.

Отступая, он споткнулся и упал. Руки и ноги будто одеревенели. Он не успел отползти дальше, как дверь разлетелась в щепки. Из темноты внутрь потянулись бесчисленные руки, схватили его за конечности. Голоса гремели со всех сторон — то женские, то мужские, то старые, то молодые — уродливый хор, где всё накладывалось друг на друга.

— Ты мерзкий ублюдок!

— Что с тобой не так, а?!

— Сам ищи, как выживать!

— Пусть тебе попадётся кто-нибудь похуже, и получишь по заслугам!

Шум в ушах взревел так, словно телевизор внезапно включили на максимум. Обвинения сливались, пока он уже не мог различить ни одного слова.

Что-то липкое, как смола, прилипло к его коже, связывая руки и ноги. Он открыл рот, чтобы закричать, но горло будто сдавило. Не успев вырваться, он был утащен в темноту за дверью.

— Ххк!

Он захлебнулся воздухом и резко распахнул глаза.

Темнота.

Он всё ещё не мог понять, сон это или реальность. Тело слегка дрожало от холода. Он попытался приподняться, тяжело дыша, но не смог пошевелиться.

Плечи болели так, будто их вывернули из суставов, нижнюю часть тела он почти не чувствовал. Голова раскалывалась, словно череп вот-вот треснет. Давление, сжимавшее всё тело, было невыносимым.

— Ч... что за чёрт...

Шинджэ услышал собственный голос, даже не осознав, что произнёс это вслух. Горло пересохло, хриплый звук растворился в воздухе.

Он часто моргнул в темноту. Ресницы заскребли по ткани с тихим шорохом. Лишь тогда он заметил слабое мерцание света сквозь повязку на глазах.

Он попытался поднять руки, чтобы сорвать повязку, но запястья были связаны. Более того — узлы затянулись сильнее, боль жгла глубже.

Чем его связали? Верёвкой? Пластиковыми стяжками?

Осознание пронзило мутное сознание вспышкой паники. Дыхание стало резким, и путы затянулись ещё туже. Свернувшись на полу, как креветка, он не мог пошевелиться.

Леденящий холод подбирался к боку. Жёсткий, шершавый пол царапал кожу, словно по ней катились песчинки. Казалось, даже нижнего белья на нём нет.

— Ч-что... что это... э-эй? Алло?

Его слабый, дрожащий голос эхом разнёсся по пространству. Он был слишком растерян, чтобы понять, сон это или явь, сознание балансировало на границе абсурда.

Шинджэ снова и снова скручивал связанные за спиной запястья. Ноги были согнуты в коленях, связаны в голених и бёдрах — выпрямить их невозможно. В тишине раздавалось лишь его тяжёлое, прерывистое дыхание.

«Где... где я? Как я оказался в таком положении?»

Пульсирующая головная боль почти не позволяла мыслить ясно. Он едва помнил, как вообще попал в эту ситуацию. На кончике пересохшего языка всё ещё чувствовалась металлическая, горькая привкус вчерашнего похмелья.

Когда зрение полностью перекрыто, остальные чувства обостряются. Каждый волосок на теле встал дыбом. Воздух был неподвижен, но по позвоночнику стекал холодный пот.

— Т-тут... тут ведь никого нет... правда?

Он тревожно пробормотал это, извиваясь и пытаясь уловить хоть какое-то присутствие. Казалось, вокруг никого нет. Тишина была такой полной, что он слышал только глухие удары собственного сердца — будто оно вот-вот разорвётся.

Наклонив голову насколько мог, он потёр глаз о жёсткий пол. Ткань оказалась гладкой, шелковистой — не повязка, а галстук. С усилием поворачивая затёкшую шею, пролежавшую на боку неизвестно сколько времени, он сумел чуть-чуть сдвинуть галстук, закрывающий глаза.

Открылся крошечный просвет — всего несколько миллиметров. Пол был тусклого пепельного цвета, из камня, стены — тёмно-красный кирпич. Неподалёку стоял стул.

Он понятия не имел, где находится. В груди тяжело стучало, ладони были влажными. Он попытался через узкую щель повернуть голову, чтобы лучше оценить обстановку.

Щёлк.

Звук открывающейся двери мгновенно сковал его.

Ш-ш-ш... ш-ш-ш...

Лёгкие шаги коснулись пола, приближаясь всё ближе. Инстинктивно он задержал дыхание — нельзя, чтобы кто-то понял, что он очнулся.

Скрип!

Стул резко проехал по полу, звук пронзил уши, когда кто-то — или что-то — подошёл. Он заставил себя не вздрагивать. Хотя не был уверен, удалось ли ему действительно сохранить неподвижность. Холодный пот стекал по позвоночнику.

—.....

И снова — тишина.

Губы пересохли, грудь гулко колотилась. Мысли толпились в голове, но рот не открывался.

Сердце било так громко, будто предавало его. Он старался лежать спокойно, но напряжение всё равно заставляло тело мелко дрожать.

Фигура придвинула стул ближе и села. Невероятно тихо. Через крошечную щель, созданную перекосившимся галстуком, он увидел две ноги.

Чистая домашняя обувь, резко контрастирующая с этим хаотичным, почти строительным пространством: мягкие гостиничные тапочки.

Он смог разглядеть край бежевых брюк. Стрелка была безупречной, ниже — ровные щиколотки. Синие жилки и сухожилия проступали на подъёмах стоп и у лодыжек.

По крупным ступням и крепкой костной структуре он сделал вывод, что это хорошо сложенный мужчина. Больше он ничего не видел. Поле зрения было настолько узким, что на мгновение можно было подумать, будто человек не вошёл, а вышел — настолько удушающей была тишина.

«Чёрт... что за хрень? Связать человека вот так...»

Взгляд, направленный на его связанное тело, буквально прожигал кожу. Он не видел, что делает этот человек — словно смотрел в пустоту.

Слюна тяжело скапливалась под языком. В холодном, разрежённом воздухе он даже сглотнуть толком не мог. Он притворялся будто без сознания, надеясь выиграть хоть немного времени, но мысли путались.

Он попытался восстановить события с самого начала. После выпивки память часто подводила, приходилось собирать всё по кусочкам.

Сначала он встретился с клиентом вечером. Потом поехал в мотель... нет, не так. Он там не ночевал — ушёл под утро.

Он вернулся в дом Со Нанёна. Наверное, хотел пробраться незаметно, но столкнулся с ним лицом к лицу. Тогда и сказал, что всё кончено. Честно говоря, способ был ужасный, но дело было сделано. И он сразу ушёл. Он ясно помнил, как обулся и открыл входную дверь.

После того как вышел... куда он пошёл? К себе? В старую съёмную квартиру? Или это был сон?

Он уже не понимал, где память начинает давать сбой. Даже ясно подумать было трудно. Дыхание, которое он едва сдерживал, сбилось. Обнажённая грудь, туго стянутая путами, тяжело вздымалась. Свернувшись, словно в циновке, он не мог пошевелиться, а согнутая поза достигла предела. Даже неподвижность причиняла боль и онемение.

К тому же, похоже, похититель знал, что он очнулся. В этом сомнений не было. Давление становилось невыносимым, и Шинджэ наконец выдал из себя голос:

— К-кто... кто вы?

Слова вырвались неловко, ломаясь по краям от напряжения. Тишина давила, проглатывая каждый вдох.

— П-почему... почему вы это делаете?

Можно было с тем же успехом спросить по-идиотски: «Чего вы хотите?» Но ответа не

последовало. Пот струился по спине. Непрерывная тишина казалась зловещей.

В голове вспыхивали самые ужасные варианты. В виске пульсировало так, словно его чем-то ударили, и связно мыслить становилось почти невозможно. Всё же он попытался рассуждать.

— ...Вы... из-за денег? Я бы уже всё вернул...

Когда он только стал взрослым, ему понадобилась крупная сумма, и он занял деньги у бара. Из гордости работал там официантом, а не хостом, из-за приятной внешности с ним обходились мягче. Он исправно выплачивал долг, но бар закрылся, и задолженность передали коллекторскому агентству — тогда ему пришлось понервничать.

Грубые мужики запугивали его лишними словами, но, если подумать, это только подстегнуло его выплатить всё до конца. В любом случае, это было в прошлом — причин тревожить его сейчас не было.

Или личная месть? Такое тоже возможно. Губы едва заметно задрожали. Может, кто-то из недавних... обиженный бывший, который крикнул: «Береги своё грязное тело!» — и ушёл в ярости. С тем они расстались со скандалом, осыпая друг друга проклятиями.

— Или... кто-то снял голое видео... и хочет его распространить?

Раз его раздели, версия казалась правдоподобной. Может, кто-то из бывших затаил обиду. Пожалуй, самый вероятный вариант. Но даже если... нет. Он перебрал в памяти множество людей, которых успел задеть за жизнь, но был уверен — это не они.

Не в силах сдержать напряжение, Шинджэ заговорил вслух, надеясь хоть на каплю жалости. Отсутствие реакции только усиливало тревогу.

— Что бы там ни было, я заплачу больше, только... пожалуйста... отпустите...

И тогда от того, кто всё это время молчал, донёсся звук. Шинджэ замер на полуслове. Леденящая дрожь прошла по всему телу. Мужчина тихо усмехнулся — звук, который он, похоже, сдерживал всё это время, но теперь тот вырвался, словно воздух из проколотого шара.

Прежде чем Шинджэ успел осознать происходящее, в затылке будто что-то ударило — череп пронзила резкая боль. В голове вспыхнула абсурдная мысль, которую он прежде отмёл как невозможную. Он приоткрыл рот, но звук не вышел.

— Сколько ещё мне ждать... пока ты хотя бы произнесёшь моё имя...?

Голос, словно с лёгким упрёком, звучал мягко, почти притягательно.

Мысль эта приходила ему раньше. Но этого не могло быть. Потому что человек, который способен на нечто столь безрассудное, — это уж точно не он. По крайней мере, про одного человека он был абсолютно уверен.

Тёмный силуэт навис над ним. Чистый, свежий аромат коснулся носа. И вдруг в глаза хлынул свет. Галстук, стягивавший глаза Шинджэ, упал, и он прищурился — сначала всё ослепительно побелело, затем зрение постепенно прояснилось.

— Приятно снова меня видеть, правда?

Губы, едва тронутые алым, изогнулись в улыбке — красивой, чёткой формы, выделяющейся на

фоне света, будто создающего вокруг лица сияющий ореол.

Шинджэ, нахмуренный, медленно распахнул глаза шире. Зрачки расширились до предела, а губы непроизвольно приоткрылись.

<http://bllate.org/book/14889/1443707>